

Досуговый характер употребления молодежью наркотических веществ

в связи с музыкальными предпочтениями. Таким образом употребление выступает составляющей клубной и танцевальной развлекательных культур, начинается с экспериментирования, в основном, в среде молодежи.

Перспективу настоящего исследования составляет следующий круг вопросов: описание динамики досугового характера употребления наркотических веществ, полинаркотическое употребление (смешения наркотических препаратов и алкоголя).

Литература

1. *Даулинг С.* Психология и лечения зависимого поведения. – М.: Класс, 2000.

2. *Лири Т.* Правила приёма психоделиков. – М.: Росмэн, 2004. С. 1-30.

3. *Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А.* Предупреждение наркотической зависимости в студенческой среде: монография. – Самара: Изд-во Универс групп, 2008. – 160 с.

4. *Ушмудина О.А.* Психологические особенности студенчества: кризисы и проблемы развития // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии», 2006. – № 4. – С. 125-131.

Е.В. Бакиштова

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной психологии

Психология больших групп является важнейшей в социальной психологии и рассматривается в ряде работ, но эмпирические исследования не так часты по ряду причин, самыми важными из которых выступает трудоемкость исследования, сложность определения доста-

точной выборки. Кроме того, достаточно проблематично в последнее время определять «внешние границы» этих групп, поскольку профессиональные, классовые и даже возрастные и половые группы динамично изменяются.

В социальной психологии большие группы принято разделять по такому критерию, как организованность (партии, союзы, организации – толпа, зрители, читатели и т.п.), устойчивость и долговременность существования (классы, нации – митинги, забастовки, аудитории и т.д.). Нас интересуют группы, сложившиеся в ходе исторического развития общества, занимающие определенное место в системе общественных отношений каждого конкретного типа общества [Андреева, 2002]. А.А. Радугин, О.А. Радугина определяют их как большие устойчивые организованные группы (наряду с малыми, диффузными и др.). Объективными предпосылками формирования таких групп является «сходство, близость условий жизнедеятельности людей, общность их потребностей, интересов, наличие связей, взаимодействий, совместной деятельности и обмена этой деятельностью, переживаний и т.д.» [Радугин, Радугина, 2006, с. 81].

Для дифференциации больших устойчивых групп используют следующие признаки: этнический (выделяются нации, народности); экономический, позволяющий вычленять социальные классы; политический, используемый для различения членов и сторонников политических партий и движений; профессиональный, формирующий группировки людей по виду и характеру труда, профессиональному образованию и уровню квалификации; религиозный, объединяющий приверженцев различных вероисповеданий; гендерный; возрастной; связанный с местом проживания [Соц. психол., 2002, с. 132]. Д. Ольшанский отмечает, что «большие социальные группы выделяются, с психологической точки зрения, в первую очередь на основе ведущей деятельности, которой заняты входящие в нее люди – по ее характеру, особенностям, разновидностям и т.д.» [Ольшанский, 1995, с. 116].

Опираясь на Г.Г. Дилигенского, В.А. Соснин, Е.А. Красникова выделяют различия между большими группами по наличию совокупности общих признаков и по механизмам связей с общностью. Первый тип – это объединение людей, имеющих общий объективно существующий и социально значимый признак. Например, по демографическому признаку могут выделяться группы мужчин, женщин, поколение, молодежь, средний возраст, пожилые люди и т.д. Характеристика этих групп как социальных определяется их значимостью в жизни общества, ролью в системе общественных отношений. Эти группы по своему составу однородны, но именно по признаку их выделения. Второй тип характеризуется тем, что люди, их составляющие, сознательно стремятся к объединению. Примером этих групп являются партии, союзы, общественные движения, религиозные группы. По своему составу эти группы разнородны. По социально-психологическим характеристикам они более однородны, чем группы первого типа. Если в первом случае приоритетное значение имеет объективная сторона общности, то во втором – субъективная. Авторы отмечают, что речь идет о психологической общности, и субъективная общность не совпадает с объективной [Соснин, Красникова, 2004, с. 212].

Кроме того, Г.Г. Дилигенский выделяет три уровня развитости больших социальных групп – *типологический* (объединенные по социально значимым признакам люди составляют сумму индивидов, но не составляют психологического единства), *идентификационный* (члены группы осознают свою принадлежность к данной группе) и *интеграционный* (предполагает готовность группы к совместным действиям во имя групповых интересов). В.А. Соснин, Е.А. Красникова отмечают также важность такого фактора социально-психологической общности группы как «степень эмпиричности, непосредственности» отражения в сознании членов группы признаков, позволяющих идентифицировать свою группу и отделять ее от «чужих», то есть непосредственность некоторых идентификационных признаков, таких как признаки расы, языка, пола, остается очевидной, в то время как,

например, классовые характеристики не столь непосредственны в настоящее время, что усиливает неопределенность в классификации общностей. Кроме того, социальная мобильность и общее информационное пространство, создаваемое СМИ, снижает уровень сплоченности групп [Соснин, Красникова, с. 214].

В работе «Социальная психология в современном мире» отмечается ряд признаков, характеризующих большие группы. Во-первых, символические отношения с большинством представителей группы, порожденные сходством условий, образа жизни, ценностей и т.д., невозможность непосредственных контактов со всеми членами группы. Это качество сходно с типологическим уровнем сплоченности группы в классификации Г.Г. Дилигенского, т.е., «в ординарных обстоятельствах такие группы являются общностями лишь в сознании их участников...Причиной реальной консолидации групп, может, по-видимому, выступить лишь угроза самому их существованию» [Соц. психол., 2002, с. 138]. Вторая черта связана с исторической укорененностью больших групп, что обеспечивает упорядоченность и стабильность групповых ценностей и норм поведения. Очевидно, что это качество близко по своему смыслу идентификационному уровню. Но в «Социальной психологии...» подход более широкий к этому уровню, включает не только осознание принадлежности членами группы, но и контроль со стороны группы: «Контроль за их [нормы] соблюдением возложен на специальные институты в лице их официальных представителей, на их рядовых членов группы. Агентами этнической, поло-ролевой, религиозной, политической социализации чаще всего выступают члены ближайшего социального окружения. Ритуализированные, а потому «само собой разумеющиеся» нормы коллективного поведения настолько прочны и устойчивы, что могут сохранить регуляторную функцию не только после смены человеком некой большой устойчивой группы, но и после ее исчезновения» [Там же, с. 139].

Третья черта, характеризующая большие группы, связана с необходимостью существования групп, позволяющих провести процедуру

группового сравнения: дети-старика, богатые-бедные, мужчины-женщины [Там же]. Данное качество, скорее, предваряет интеграционный уровень по Г.Г. Дилигенскому, поскольку совместная деятельность, особенно в пользу продвижения интересов группы, требует дифференциации своей группы от других, то, что Б.М. Поршнев называет принципом «они и мы», через которые всегда конституируются социально-психологические отношения [Поршнев, 1979, с. 88]. Он же, очевидно, одним из первых в отечественной психологии, определяет структуру социально-психологических явлений: психический склад и психический сдвиг. Под психическим складом Б.М. Поршнев понимает стойкие черты, которые «формируются через посредство обычаев, привычек, жизненных порядков... Нередко они усваиваются некритически, пассивно, но иногда критическое отношение к ним слабеет и преодолевается либо навязываемой системой идей, либо прямым принуждением» [Там же]. К психическому складу относятся самые разнообразные формы, поскольку устойчивые черты психического склада класса формируются иначе, чем устойчивые черты этнической общности. Разные авторы (Г.Г. Дилигенский, А.И. Горячева, Ю.В. Бромлей и др.) относят сюда социальный или национальный характер, нравы, обычаи, традиции, вкусы и т.п.) [Андреева, 1988]. Кстати, Г.М. Андреева полагает, что наличие таких социальных регуляторов как нравы, обычаи и традиции, отличает большие группы от малых, в которых нет таких регуляторов, с чем трудно согласиться, поскольку культура коллективной жизни обычно включает в себя указанные явления.

Психический сдвиг (то, что в работах разных авторов определяется как эмоциональная сфера) – настроения, подвижные и динамичные, «перекидывают мост от «истории состояний» к «истории событий» [Поршнев, 1979, с. 92]. В эмоциональную сферу психологии большой группы включают также потребности и интересы [Андреева, 1988], социальные чувства [Радугин, Радугина, 2006]. Ольшанский считает, что основу социально-групповой психологии составляют ос-

новные общие потребности, над которыми надстраиваются политические интересы и ценности группы, то есть – групповое сознание, характеризующее наиболее продвинутую часть группы, рафинированная, научная или публицистическая форма которого представляет собой уже идеологию, доступную политической элите данной большой социальной группы.

Существуют и другие модели структуры психологии большой устойчивой социально группы. Например, согласно с общей психологией: *когнитивные* (коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение и сознание, менталитет), *мотивационные* (общегрупповая мотивация, групповые потребности, ценности, интересы, цели, установки и идеалы), *аффективные и регулятивно-волевые групповые психические явления, деятельностьная сфера* [Соснин, Красникова, 2004].

Важной темой в контексте психологии больших устойчивых групп выступает проблема группового субъекта. В «Социальной психологии в современном мире» отмечается, что большие социальные группы могут выступать и субъектами межгруппового общения, что особенно отчетливо проявляется в условиях массовой коммуникации [Соц. психол., 2002, с. 139], поскольку субъектом может быть общность любого масштаба, включая все человечество [Брушлинский, 1996, с. 14]. Субъектность группы описывается тремя признаками: взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе как состояние преактивности; совместная активность по отношению к другим объектам или по отношению к себе самой; способность группы к саморефлексии, в результате которой формируются чувства «Мы» (как переживание своей принадлежности к группе и единения со своей группой) и образ-Мы (как групповое представление о своей группе) [Психол. индивидуальн., 2002, с. 53-54]. Группы характеризуются разной степенью выраженности всех трех признаков, а также доминированием одного из признаков в психологии группы, что вносит

различия в уровень субъектности групп, что проявляется и в их историческом развитии.

Наиболее развернуто этот аспект раскрывается в работах по политической психологии. В частности, Г.Г. Дилигенский пишет, что «наиболее полно черты субъектности выражены у тех групп, которые самым принципом, мотивами и целями своего объединения непосредственно вовлечены в общественную и политическую жизнь [Дилигенский, 1996, с. 275]. Автор отмечает, что субъектность национальных и социально-экономических больших общественных групп вызывает сомнения, поскольку «объективные» социальные группы не могут быть субъектом по той важной причине, что «имманентным качеством субъекта является способность осуществлять целеполагание и целенаправленную деятельность; чтобы выступать в роли «единицы действия», субъект должен обладать минимумом психологического единства, целостности» [Там же, с. 277]. Однако если выйти из рамок политической психологии, и рассматривать это положение в свете концепции А.В. Брушлинского, то указанная «несубъектность» групп может рассматриваться, прежде всего, как состояние преактивности. К совместной активности же можно отнести общение внутри группы и с другими группами, групповые действия (особенно в случае угрозы существованию группы), групповую солидарность (например, мужскую) и т.п.

Не оговаривая специально вопрос субъектности, Д.В. Ольшанский разделяет группы по уровню развития социально-группового сознания в соответствии с направленностью их активности. «Группа в себе» – группа, уже выполняя в обществе определенные функции, еще не осознает этой роли и своего особого политического положения, и не может действовать в соответствии с этим. Развиваясь согласно своим потребностям, группа превращается в «группу для себя» с таким уровнем развития, при котором группа или часть ее представителей уже осознают особенности положения и роль своей группы в обществе, и начинают активно участвовать в социальных, прежде

всего политических процессах, направленных на изменение общественного устройства в соответствии с потребностями, интересами, ценностями данной группы. Д.В. Ольшанский считает возможным и третий этап развития группы – «группа для других», когда большая социальная группа, осознав свою взаимозависимость с другими группами, отказалась бы от установления своего монопольного политического господства и перешла к принципиально новому этапу построения «общенародного государства» [Ольшанский, 1995].

И.Р. Сушков полагает, что качество субъектности начинает обретаться совокупностью индивидов вместе с ощущением разделенности отношений. При этом «начинают формироваться групповые границы, создается образ прототипного представителя группы, появляются специфические групповые феномены и т.д. Возникают процессы, направленные исключительно на поддержание сформировавшегося единства и подчинение ему индивидуальных действий. В результате развиваются *активные групповые субъекты*, действия, эмоции и решения которых качественно отличаются от законов совокупности» [Сушков, 1999, С. 157]. Собственно говоря, именно разделенность психологических отношений И.Р. Сушков считает психологической основой появления группового феномена. В «Психологии взаимоотношений» выстраивается модель отношений между элементами социальной системы. Автор отмечает, что в основном, до 70-х годов XX века к познанию общественных образований применялись принципы индивидуальной психологии. Это характерно не только для отечественной психологии, но и американской (К. Левин, С. Аш, Л. Фестингер, М. Дойч, Дж. Тибо, Г. Келли). П.Н. Шихирев отмечает, что в противовес американскому подходу западноевропейские исследователи считают, что межгрупповые отношения не сводимы к межиндивидуальным и детерминируются положением группы в системе отношений с другими группами. Новизна современного подхода состоит в том, что группа рассматривается не как простая сумма, скопление ин-

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ... дивидов, а как качественно своеобразное целое [Соснин, Красникова, 2004, с. 236].

Выйти за пределы индивидуальной парадигмы в социальной психологии позволила теория социальной идентичности Г. Тэджфела и теория социальной категоризации Д. Тернера, где одним из центральных в теории межгрупповых отношений выступает понятие межгрупповой дифференциации, используемое в связи с понятиями социальной категоризации, идентификации и сравнения. «Совокупность указанных когнитивных процессов, связанных с осознанием человеком своей принадлежности к одной из групп, отличной от других, является, по мнению Г. Тэджфела, минимальным условием установления позитивно валентных различий в пользу ин-группы, т.е. возникновения межгрупповой дискриминации в форме внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности ..., т.е. дифференциация психологических отношений к своей и другой группе» [Соснин, Красникова, 2004, с. 251]. В отечественной социальной психологии утверждение об универсальной природе внутригруппового фанатизма и внешнегрупповой враждебности не столь распространено. Большинство исследований рассматривают особенности межгрупповых отношений в производственных организациях и трудовых коллективах [Агеев, 1983; Позняков, 1992; Сушков, 1988, 1999]. В.А.Соснин, Е.А. Красникова отмечают, что «в качестве главного фактора детерминации межгруппового взаимодействия и восприятия рассматриваются характеристики совместной деятельности групп и возникающие на ее основе социальные связи и зависимости между ними» [Соснин, Красникова, 2004, с. 254]. Здесь, однако, речь идет о малых группах.

Проблема соотношения внутригруппового предпочтения, межгруппового сравнения больших групп рассматривается чаще всего в исследованиях межэтнических отношений. Рассматривая интегративные тенденции в межгрупповых отношениях, российские психологи выделяют такие феномены, как «межгрупповая аффилиация и референтность» (Агеев, Сыродеева), «межгрупповое единство» (Черны-

шов), «межгрупповая сплоченность» (Кузнецов), «толерантность» (Лебедева) [Соснин, Красникова, 2004, с. 254]. Авторы утверждают, что «Процессы межгрупповой дифференциации и внутригрупповой интеграции тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Без внутригруппового обособления и внутригрупповой интеграции невозможно существование группы как психологической общности... Межгрупповая интеграция невозможна без предварительной дифференциации групп и внутригрупповой интеграции и предполагает ее» [Там же, с. 253]. Н.Л. Иванова, рассматривая социальную идентичность в целом, полагает, что существует тесная взаимосвязь между позитивной групповой идентичностью и межгрупповой толерантностью. Автор утверждает, что в настоящее время жители постсоциалистических стран демонстрируют высокую этническую (представитель этнической группы), гражданскую (житель страны), локальную (житель определенной местности) и низкую мировую (представитель широкого мирового сообщества) идентичность [Иванова, Мазилова, 2006]. Действительно, ситуация группового самоопределения сложна, особенно на постсоциалистическом пространстве, как в этническом, так и в социально-экономическом и политическом контекстах.

И.Р. Сушков пишет о том, что «Нашему внешнему взору наблюдателя предстают социологические отношения между элементами конкретного общества, официально выраженные в соответствующем праве, а реально проявляющиеся в общественной активности членов социологической системы. Но за всей этой активностью и законодательными актами априори стоят новые по своей природе психологические отношения, придающие социологическому импульс движения» [Сушков, 1999, с. 158]. Именно социально-психологическая составляющая общественных отношений придает последним «практически неограниченную устойчивость во времени, сохраняя их долго после физической смерти их биологического носителя» [Там же, с. 159]. Это чрезвычайно важно для понимания психологии больших групп, поскольку россияне, например, проживая последние годы в со-

стоянии реформ, ожидают наступления лучших времен, не осознавая, что политика – это проекция нашего ментального, которое изменяется крайне медленно, а без подобного изменения крайне затруднены и адекватные социальные, экономические и политические реформы.

Поскольку культурно-историческое своеобразие устойчивых больших групп складывается исторически, то и «подлинная природа» таких социальных общностей может быть вскрыта, прежде всего, только посредством историко-психологического анализа, через изучение ментальности группы. Однако Г.Г. Дилигенский, выделяя особенности существующей сегодня социально-психологической науки, говорит о том, что «механизмы взаимодействия и общения людей, их социализации, усвоения ими социальных норм, ценностей и т.п. интересуют ее в целом гораздо больше, чем исторически и социально определенное содержание изучаемых психических образований и поведения» [Дилигенский, 1996, с. 10]. Он подчеркивает, что «Социальная психология не особенно дружит с историей, она предпочитает в основном заниматься человеком вообще, а не конкретно-историческим человеком» [Там же, с. 11]. Нужно отметить, что изучение социальных представлений позволяет сегодня выявить особенности психологии россиян, как на индивидуальном, так и на социальном уровне. В работе К.А. Абульхановой были исследованы дефиниции современного сознания россиян. Типологический подход позволил выделить типы социального мышления, характерные для различных социальных групп. Основным результатом работы «явилось эмпирическое доказательство того, что у реальных социальных групп существует тип сознания по комплексу четырех параметров – представлению о связи я-общество, способности к проблематизации, характеру ценностей и оптимизму-пессимизму» [Абульханова, 1997, с. 28]. Таким образом, по типу социального мышления К.А. Абульханова выделяет и рассматривает в современном российском обществе такие группы как предприниматели (субъект-объектное сознание), интеллигенция (субъект-субъектное сознание), пенсионеры и рабочие (объект-

субъектное и объект-объектное сознание). Возможно, что расширение выборки выявило и другие социальные слои, но здесь важны именно типы социального мышления.

В других работах также мы встречаем попытки исследования социальной стратификации российского общества. Например, социолог Т.И. Заславская в качестве критерия вычленения социальной структуры рассматривает взаимосвязь двух измерений – социального (или вертикального) и культурно-политического (или горизонтального). «Первое измерение отражает иерархическую структуру общества. На его основе выделяются социальные слои, различающиеся уровнем социального статуса, масштабом и структурой используемых ресурсов, механизмами воздействия на трансформационный процесс. В основе же групп, образуемых с помощью второго измерения, лежит общность убеждений, культуры и интересов. Эта общность выражается в действиях, сознательно направляемых или опосредованно способствующих реализации разных сценариев общественного развития» [*Радугин, Радугина, 2006, с. 103*]. Возможно, что эти измерения не могут быть рассматриваемы как отдельные способы образования групп, поскольку, например, существуют группы, являющиеся пассивными участниками трансформационных процессов, однако, в этом как раз и проявляется их общность убеждений.

С позиций пересечения названных критериев выделяются наиболее существенные социальные группы, играющие различные социальные роли в современном российском обществе [*Заславская, 2001*]:

- 1) *Верхний слой общества (элиты и субэлиты)*, куда входят следующие группы: консервативно ориентированная часть бюрократической и военной элиты и субэлиты; группа новой экономической элиты; верхушка коммунистических сил; либеральная элита и группа, представленная людьми, активно сотрудничающими или принадлежащими к криминальному миру.
- 2) *Средние слои*: среднее звено бюрократии, бизнес-слой, состоящий из мелких и средних предпринимателей, профессионалы.
- 3) *Базовый и нижний слои*, включающие: представи-

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ...

телей бывшего советского среднего слоя; относительно адаптировавшихся к новым условиям рабочих, крестьян, служащих, и ту часть специалистов, которая не смогла удержаться в среднем слое и вынужденно спустившуюся в базовый; наименее образованных, социально слабых представителей базового и нижнего слоя. 4) *Андеркласс, или социальное дно*: люмпенизированная маргинально-периферийная группа; и широкое основание криминального мира [*Радугин, Радугина, 2002, с. 107*].

За десятилетие, прошедшее со времени исследования Т.И. Заславской, в нашем обществе вновь произошли трансформации и социальные роли перераспределились. Кажется, что сегодня олигархи, коммунисты, криминальная верхушка и военная элита не играют явной роли в политике, зато усиливается слой государственной бюрократии. Можно поставить под сомнение сохранение профессионалов или хотя бы специалистов и совсем очевиден уход из числа ведущих социальных групп либеральной элиты, которая в российской политике в очередной раз потерпела поражение.

Ю.В. Ширковым также предложена модель социальной стратификации современного российского общества (1997 г.) (но более прозрачная, нежели у Т.И. Заславской), в основе которой лежат два критерия – материальный уровень (степень независимости субъекта от обстоятельств) и культурный уровень (образование, эрудиция, выполняемая работа). В связи с этим выделяется пять групп. *Социальное дно*, характеризующееся низким материальным и культурным уровнем, ниже которого опуститься невозможно. *Новые русские*, не испытывающие материальных затруднений, но не отличающиеся высоким культурным уровнем. *Интеллигенция*, обладающая высоким культурным уровнем и низкими доходами; функция интеллигенции – поддержание социальных норм общества. *Элита* – группа, обладающая высоким культурным уровнем и высоким доходом; именно эта группа осуществляет социальное влияние. И, наконец, *резерв*, из которого пополняются разные группы в ходе социального влияния [Цит.по:

Соц. психол., 2002, с. 141]. В этой классификации не выделяется средний класс, критерии выделения которого, действительно, вызывают большие затруднения. Трудно согласиться с существованием резерва, более вероятным кажется предположить социальные миграции представителей разных групп из одной в другую – с учетом изменения их материального состояния, которое подвержено изменениям скорее, нежели культурный уровень. Нельзя не учитывать еще и таких социально-психологических параметров, как общие групповые установки и ценности. При переходе из одной группы в другую, изменяются ли, скажем, ценности личности в соответствии с членством в новой группе, или же наоборот – изменение ценностей приводит человека в новую группу. Например, рабочий или интеллигент, становясь предпринимателем или государственным служащим, – насколько сохраняют менталитет рабочего и интеллигента?

Если же говорить об исторической психологии отдельно взятой большой социальной группы, то действительно, продолжительное исследование, особенно если говорить о зарождении группы, сложно, но оно возможно при анализе письменных источников. Мы полагаем, что весьма перспективным в этом случае выступает исследование психологии русской интеллигенции, по той причине, что спецификой этой группы выступает не отношение к таким зыбким и неустойчивым явлениям нашей жизни, как собственность и средства производства (как в случае с другими социальными классами или стратами), но весьма устойчивый во времени процесс самоосознания своего места в общественном устройстве и своей роли, или, скорее, предназначения в истории России, выраженная в большом количестве *текстов* на протяжении всей истории этой группы. То есть, интеллигенция – уникальная группа, деятельность которой связана с отражением этой деятельности и ее отрефлексированием в письменной продукции.

Интеллигенция, обладая рядом интеграционных для большой социальной группы признаков, остается уникальной и наиболее размытой социальной группой в прошлом и современном обществе. Специ-

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ...

фика ее в этом и состоит – в подвижности контекста, в которой осуществляется самоопределение и деятельность интеллигенции, по преимуществу оппозиционная к существующей власти. Мы имеем возможность в этой связи проследить как генезис группы, так и, возможно, ее разрушение (?) в настоящее время. Однако – означает ли это окончательное исчезновение интеллигенции из нашего настоящего и будущего, или ее существование как раз и заключается в распадах и расцветах?

Литература

1. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А.Абульхановой. – М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 7-37.

2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М.: МГУ, 1988.

3. *Брушлинский А.В.* Субъект, мышление, учение, воображение. – М. –Воронеж, 1996.

4. *Дилigenский Г.Г.* Социально-политическая психология. Уч. пособ. для ВУЗов. – М.: Новая школа, 1996.

5. *Донцов А.И.* О понятии «группа» в социальной психологии // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. А.Л. Свенцицкий. – СПб.: Питер, 2000.

6. *Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений и дискурсивная психология // Психол. журн., 2005. Т.26, №5. С.16-25.

7. *Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования, 2001. № 8. С. 6-8.

8. *Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б.* Психологические границы социальной идентичности и современные проблемы высшего образования // Ярославский педагогический вестник, 2006. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.yspu.yar.ru/vestnik/pedagogika_i_psichologiy/31_2.

9. *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. Уч. пособ. для вузов. – М., 1995.
10. *Поршнев Б.В.* Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979.
11. Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – М., 2002.
12. *Радугин А.А., Радугина О.А.* Социальная психология: Учеб. для вузов. – М., 2006.
13. *Соснин В.А., Красникова Е.А.* Социальная психология: Учеб. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2004.
14. Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: АспектПресс, 2002.
15. *Сушков И.Р.* Психология взаимоотношений. – М.: Академический проект, ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999.

Ю.С. Канунникова, О.А. Ушмудина

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой образовательной среды

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

Особые условия для развития личности студента создает развивающий характер образовательной среды. Согласно В.А. Ясвину, под образовательной средой понимается система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [Ясвин, 2001]. Развивающая образовательная среда – образовательная среда, которая способна обеспечивать комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательного процесса. Субъекты